

Коротко

О ГЛАВНОМ РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА МЕРОПРИЯТИЯ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВО
 НАУЧНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ АРХИВ НОМЕРОВ АННОТАЦИИ
 ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Поиск по сайту

Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики (1)

Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня общества крупнейших стран мира, передовых экономик сотрясают социальные взрывы. Только за последних два-три года такими были многодневные массовый беспорядки «желтых жилетов» во Франции, волнения по поводу «Брексита» в Великобритании, спровоцированные убийством полицейскими афроамериканца погромы и уничтожение архитектурных памятников в США. Все из них угрожали стабильности системы управления государства и сопровождалась немалыми экономическими потерями. Для предотвращения подобных трагических событий существует мониторинг уровня социальной напряженности и прогнозирование социальных взрывов методами как фундаментальной, так и прикладной науки. В ФГБУН ЦИПБ РАН под научным руководством чл.корреспондента РАН В.Л.Шульца и доктора юридических наук Р.Ф.Идрисова накоплен большой материал и опыт исследования данного вопроса.

Ключевые слова: региональная политика, социальная политика, национальная безопасность, прогнозирование, психология, экстремизм.

The relevance of the study is determined by the fact that present societies of the largest countries of the world, advanced economies are shaken by social explosions. Last two or three years alone brought such troubles as the multi-day riots of the "yellow vests" in France, the unrest over Brexit in the UK, pogroms provoked by the murder of an African American policemen and the destruction of architectural monuments in the United States. All of them threaten stability of the state administration system and are accompanied by considerable economic losses. There is a monitoring of the level of social tension and the prediction of social explosions to prevent such tragic events involving methods of both fundamental and applied science. The FSBS CRPS of the RAS under the scientific supervision of Corresponding Member of the RAS V.L. Shultz and Doctor of Law R.F. Idrisov have collected a considerable body of materials and experience regarding the issue under study.

Key words: regional policy, social policy, national security, forecasting, psychology, extremism.

Forecasting zones of social tension based on the analysis of regional statistics

Феномен социальной напряженности рассматривается как триггер кардинальных, необратимых изменений в государственной социально-политической и экономической системах, как сформировавшееся в 1980-е годы новое терминологическое обозначение в современной междисциплинарной науке одной из ленинских предпосылок формирования революционной ситуации («верхи не могут, а низы не хотят»), скрытая, латентная форма бытования явления, обозначаемого как «социальный конфликт».

Изучение социальной напряженности современной западной и отечественной наукой в исторической перспективе базируется на основополагающих открытиях, сделанных в рамках марксистско-ленинской теории, в научном коммунизме, связанных прежде всего с раскрытыми механизмами смены общественно-экономических формаций, в том числе насильственным путем. Явление социальной напряженности учтено было в политической науке конца XIX в. как один из основных критериев сформированности революционной ситуации. По сравнению с политическими и экономическими трудами 150-летней

5:13 Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики (1)

5:44 Классификация и формирование кластерной политики в России
18.07.2020

12:06 Расширение российско-китайского сотрудничества в области экономики и торговли
16.07.2020

8:38 Права человека и непризнанные государства
27.06.2020

11:43 Сравнительно-правовой анализ института административной ответственности за коррупционные правонарушения государственных гражданских служащих в России и за рубежом
09.06.2020

9:21 Национальный режим будущего соглашения о свободной торговле Российской Федерации и Республики Корея: рекомендации на основе анализа существующих моделей национального режима инвестиционных соглашений
07.06.2020

11:44 Международно-правовые проблемы разработки, передачи и использования морских технологий
30.05.2020

11:23 Определение понятия и состав преступлений против человечности – легальный и доктринальный подходы
30.05.2020

11:17 Источники международно-правового регулирования инвестиций
30.05.2020

11:06 Оценка влияния реформы международного инвестиционного арбитража на арбитражную оговорку разрабатываемого соглашения о свободной торговле между Республикой Корея и Российской Федерацией
30.05.2020

11:30 Иностранная концессии в советской экономике: некоторые дискуссионные вопросы истории
28.05.2020

давности современная наука выработала более разнообразный инструментарий обнаружения и учета данного явления, а именно – методы социологического исследования с целью выявления настроений граждан и методы статистического анализа объективных показателей экономической, социальной, политической жизни и др., предупреждающих о зонах напряженности точнее, чем социологические опросы [1, 2, 3, 4, 5, 12, 13, 15, 18].

Методики прогнозирования и даже определения понятия социальной напряженности в субъектах Российской Федерации у различных авторов разнятся [1, 2, 3, 4, 5, 12, 13, 15, 18]. Их достоверность не равнозначна, в зависимости от полноты учета имеющихся статистических показателей по региону, выбранных методов мат. статистики, а также дополнительно — анализа менталитета, градуса лояльности, политических интересов и ценностно-мотивационных предпочтений населения субъектов Российской Федерации, выявляемых с помощью в разной степени объективного инструментария. До некоторой степени уровень социальной напряженности может быть обнаружен как величина, обратно пропорциональная так называемому «индексу счастья», несколько лет назад введенному в обиход в информационном пространстве.

В целом, проблема социальной напряженности, предваряющей этап открытого социального «взрыва» может быть изучена с помощью ряда приемов и подходов, распределенных по двум направлениям: либо через изучение умонастроений и комплексов идей (заведомо не точный и не верифицируемый путь), либо через изучение комплекса взаимосвязанных разнородных показателей официальной статистики (Росстат) и ряда отчетов федеральных органов исполнительной власти, судебной практики, отчетов региональных администраций, отражающих результаты экономической активности и жизни регионов. Воспользовавшись проведенным профильными специалистами совместным комплексным статистическим анализом данных групп показателей, при интерпретации его результатов можно высказать предположение о зависимости социальной напряженности от вышеуказанных наглядных, верифицируемых, достоверных данных. Если в первом случае при использовании метода соцопроса результаты его будут заведомо субъективны, то при втором пути оказывается важным достоверно интерпретировать объективные данные, экстраполировав результат их анализа на вопросы социальной стабильности/ напряженности (т.е. на зону субъективного самоощущения, а затем и определенных поступков масс).

Прогнозирование социальной напряженности остается прерогативой научных исследований, чаще констатирующих (или предполагающих) факт ее наличия или предлагающих профилактические меры по ее устранению [11, 16]. В разное время отечественные исследователи, опирающиеся на материал постсоветской России, делают выводы об отсутствии «научно обоснованной политики региональных социально-экономических преобразований» [15]. Указывается, что до сих пор принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании и предупреждении социальных конфликтов, как на региональном, так и на федеральном уровнях управления. И, как следствие этого, допускаются серьезные ошибки в управленческой деятельности в различных регионах страны, что приводит к появлению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах [15]. Социальная напряженность имеет в своем развитии прямую связь с уровнем социально-политической и экономической обстановки в отдельном регионе, управленческой и регулирующей ролью властных структур [15]. В работе исследователя использовались статистические данные 1991-1999 гг., а также одномерный статистический анализ, корреляционный, регрессионный, кластерный, факторный и дискриминантный анализ [15]. Некоторые из исследователей пытались совместить учет статистических сведений и оценки их субъективной значимости, а также субъективных настроений информантов [2]. Методика исследования здесь – соцопрос, ранжирование значимых факторов социальной напряженности, учет статистики по региону. В исследовании выявляется значимость по рангу тех или иных показателей для формирования социальной напряженности в понимании информантов. С опорой на показатели региона дается краткосрочный прогноз социальной напряженности в регионе [2].

Таким образом, сформировалось два методологических полюса изучения явления: определение настроений информантов и значения тех или иных факторов для них с точки зрения общей удовлетворенности-неудовлетворенности, констатация взаимосвязей между статистическими показателями и протестной активностью жителей региона или иной локальной территории.

Несколько десятилетий в конце XX – начале XXI вв. в зарубежной и отечественной научной литературе шел спор о дефиниции термина, его соотносительности с иными понятиями, прежде всего в социологии. Дефиниции разнятся – от психологических до политологических. Проблема состоит в том, что само понятие предполагает междисциплинарность исследования. Так, необходимыми, безусловно, являются знания и опыт психологической диагностики и коррекционной работы, так как речь идет о явлении, наблюдаемом в сфере нечетко выраженных эмоций («напряженность»), опыт политолога и обществоведа, социолога – так как речь идет о явлении в сфере социальной жизни и общественных настроений, но предпосылки квалифицированно проанализировать и соотнести с уровнем удовлетворенности населения уровнем жизни может только специалист в области экономики, государственного и муниципального управления, социально-экономической географии, регионоведения и т.п.

10:56
27.05.2020
Союзное государство: формирование приоритетов развития в контексте экономической безопасности [1]

11:26
19.05.2020
Проектное управление – современная модель импортозамещения при ведении агробизнеса

9:02
18.05.2020
Роль казачества в военно-политических конфликтах начала XX века

1:37
15.05.2020
Территориальные претензии России в преддверии Первой мировой войны

Welcome

[Консоль](#)
[Profile](#)
[Выйти](#)

Так как социологические опросы населения региона не дают такого точного прогноза возможных социальных взрывов, какой может дать обсуждение результатов ранжирования регионов по экономическим и социальным, демографическим показателям, то в данном случае самым важным этапом является интерпретация информации в аспекте социальной напряженности, а именно понимание того, что говорит о социальной напряженности рост или падение того или иного показателя или их совокупности. В данной научной статье нами намечены возможности научного исследования статистических и иных официальных данных для определения «уязвимых», на наш взгляд, регионов со скрытой протестной активностью.

Предметом изучения в предлагаемой работе является то, как именно объективные предпосылки (численные репрезентации явлений в экономике, демографии, образовании, культуре, медицинском обслуживании, экологии и других сферах жизни региона, обработанные с помощью статистических операций в рейтинги, коэффициенты и др. в сфере социальной географии и экономики) могут коррелировать с явлением социальной напряженности (неудовлетворенности, дискомфорта, снижения лояльности государственной власти) как особого состояния общества, населения региона.

В работе используется анализ и толкование дефиниций важнейших терминов (социальная напряженность – в том числе), описательный подход, обсуждение результатов обработки имеющихся статистических данных, выполненной исследователями в рамках социально-экономической географии. Анализируется современное наполнение понятия, а также некоторые причины и факторы формирования социальной напряженности, критерии выявления, определения уровня выраженности и угрозы формирования конфликта, методики объективного изучения развития данного феномена в динамике в политологии, экономике, социологии, психологии, статистике, разрабатываются пути предотвращения его перерастания в открытую форму социального «взрыва». В настоящей предварительной работе на основе анализа данных уже существующих исследований мы пытаемся определить методики обнаружения регионов, с которыми работа в области профилактики роста социальной напряженности должна вестись особенно активно.

Методологической базой анализа предпосылок формирования социальной напряженности в регионах являются работы по анализу ежемесячного индекса региональной экономической активности (РЭА), разработанного коллективом исследователей НИУ ВШЭ [14], статистические исследования ежегодных экономических и демографических региональных показателей, выполненные в НИУ ВШЭ [6, 7, 8, 9, 10]. Дополнительным источником информации является также предложенная коллективом НИУ ВШЭ методика расчета федерального Ежедневного экономического стресс-индекса (DESI), позволяющая в ретроспективе соотнести периоды роста стресс-индекса и как опосредованные последствия его – волнения и протестные выступления в 2008-2009, 2011 гг., а следовательно – посредством мониторинга данного показателя спрогнозировать возможные инциденты в будущем.

В данной работе мы проводим только обсуждение ранее полученных иными исследователями результатов анализа вышеуказанных данных в рамках социально-экономической географии, попытавшись спрогнозировать на их основании возможный градус социальной напряженности в регионе и «взрывоопасность» региона. Методы математической статистики в данной — предварительной, вводной — работе не используются.

Прогнозирование зон социальной напряженности и возможных локальных социальных «взрывов» (массовых выступлений, протестной активности, образования экстремистских сообществ и др.) на основании имеющихся статистических данных об экономической и социальной жизни регионов, собранных в один массив и проанализированных в рамках исследований по социально-экономической географии [6, 7, 8, 9, 10, 14, 17], лежит в основе разработки методики выявления потенциальных возможностей распространения в уязвимых регионах идеологии насилия, протестной активности, радикализма, а также потенциальной готовности населения данного региона к восприятию влияния со стороны радикальных и оппозиционных, в том числе нежелательных или запрещенных в Российской Федерации, организаций.

Согласно нашим предположениям, рост социальной напряженности потенциально возможен в регионах, где суммарные показатели экономической активности, демографии и социальной жизни будут резко отклоняться от средних значений, то есть в регионах — «донорах» и условно независимых от центра (с «сепаратистскими» настроениями), а также в регионах «дотационных», имеющих наиболее низкие показатели (с высокой протестной активностью в связи с низким уровнем жизни) [6, 7, 8, 9, 10].

Предлагаемый на основе имеющихся в социально-экономической географии статистических исследований [6, 7, 8, 9, 10, 14, 17] прогноз территориальных зон угрозы национальной безопасности, возможного социально-экономического, социально-политического, этно-политического конфликта основан не на традиционных социологических опросах, выполненных на небольшой выборке информантов и предполагающих сбор субъективно-эмоциональных оценок опрашиваемых, а на анализе массива статистических данных, регулярно представляющихся субъектами Российской Федерации Федеральным органам исполнительной власти и связанных с объективными сведениями – в экономике, демографии, занятости, потреблении, образовании, медицине, а также сведениями об уровне и качестве жизни, в том числе об удовлетворенности сферой услуг и т.п. При анализе региональной активности учитываются факторы: демография, расселение, неравенство региональное и внутрисубъектовое по доходам и уровню жизни, а именно: стоимость жизни в регионе, минимальный прожиточный минимум и средняя заработная плата по региону, доля населения моложе и старше трудоспособного возраста, миграция населения трудоспособного возраста, налоговые сборы в регионе, структура потребления в регионе – стратегия выживания или стратегия развития: доля расходов на питание, образование, медицинские услуги, рекреацию в структуре потребительской корзины, доля оплаты ЖКУ в потребительских расходах домохозяйств, внутрирегиональная задолженность оплаты по ЖКУ, кредитная нагрузка населения региона и др. [6, 7, 8, 9, 10]. С высокой вероятностью можно сделать прогноз социальной напряженности и возможных социальных взрывов на основании научного анализа вышеуказанных статистических данных.

Необходимо учитывать и такие факторы, как протестная активность региона [18], в том числе вес протестных Интернет-ресурсов и СМИ, повышение политизированности общества, этно-конфессиональный, поколенческий конфликты (при их наличии).

При анализе социальной напряженности мы рассматривали данное явление как модель, включающую а) **объект** — личности (группы личности, коллективы, общности, население региона) и их ценностно-мотивационную модель, иначе – мировоззренческие установки, менталитет, а также особенности психоэмоционального реагирования на раздражители внешней среды и на изменения внешних условий жизни, б) **условия** — предпосылки возникновения социальной напряженности (условия жизни – экономические, политические, демографические, сферы образования, медицинского обслуживания, культуры, дорожного строительства и т.п. показатели), в) **актор (манипулятор)** – «третья сила» (сообщества, организации, конкретные идеологи, имеющие целью деструкцию государственной системы и для этого решающие задачи дополнительного информирования и формирования протестной активности личности/населения в связи с формирующимися негативистскими настроениями по сравнению с тем, что становится очевидным лицу в процессе частной повседневной жизни и бытовых занятий).

Необходимо понимать двойственность понятия «социальная напряженность». С одной стороны – это термин, описывающий сферу психоэмоциональных, ценностно-мотивационных проявлений, но не личности, а социальной группы или общества, то есть подразумевающий еще и составную часть межличностных и общественных отношений, которые по какой-либо причине становятся некомфортными. С другой стороны, данное явление возникает в ответ на предпосылки, складывающиеся в экономической, политической, общественной, социальной, культурной жизни региона и является смутным, пока не организованным ответом эмоционально-мотивационной сферы отдельного человека и представителей страты на них. Иначе – социальная напряженность возникает, если существующие в определенный момент в обществе отношения, состояние экономической, политической, культурной и других сфер не согласуются

с ценностно-мотивационными представлениями личности, её убеждениями. Данный конфликт проявляется подавленностью, ростом психоэмоциональных расстройств или агрессивностью и ростом асоциальных и преступных действий.

При этом важно понимать, что помимо экономико-политических предпосылок и ценностно-мотивационной модели личности, существует и «третья сила», а конкретно – заинтересованные в дестабилизации обстановки конкурирующие политические силы, внутригосударственные или внешние, а также поддерживаемые ими средства массовой информации.

Устранить социальную напряженность можно, либо исправив предпосылки, устранив травмирующие население проблемы в экономической, социальной и других сферах, либо воспитав личность с иными ценностно-мотивационными запросами.

Необходимо учитывать, что ценностно-мотивационная система личности имеет не только личную, индивидуальную природу, но и семейно-родовую или поколенческую. Как правило, ценностную систему младшие поколения усваивают у старших (особенно в консервативных постфигуративных культурах – по Маргарет Мид), или у младших и сверстников (в кофигуративных и префигуративных культурах — по Маргарет Мид). Изменяющиеся социально-экономические условия жизни приводят к «ломке» данных стереотипов (опыт предшествующий поколений может переставать «работать» с точки зрения его успешности, адаптивности в новых социально-экономических условиях). Более мобильно приспосабливается к новым условиям жизни молодое поколение, старшее поколение переживает больший эмоциональный дискомфорт. При этом дискомфорт вызывают, как правило, у человека любые изменения, так как они принуждают приспосабливаться к ним, снижают уверенность в завтрашнем дне. Помимо низкой толерантности к неопределенности, ригидному человеку присуща также высокая настороженность к необходимости участвовать в ситуации конкурентности, к которой привела каждую личность сейчас сложившаяся после распада СССР новая экономическая система. Неуверенность в завтрашнем дне, завышенный уровень притязаний и стандартов жизни, нежелание выдерживать конкурентную гонку за место «лучшего» (прежде всего лучшего работника в ситуации дефицита рабочих мест), рентный подход к жизни приводит к ситуации роста напряженности и негативных эмоций у личности или группы в случае, если уровень притязаний не может быть реализован, не только из-за нарушений адаптации личности к среде и выбора неперспективных поведенческих стратегий, но в том числе и потому, что и само государство переживает определенные экономические трудности, внешнее экономическое давление в виде «экономических санкций». Данные процессы вызывают снижение профессиональной активности, депрессивные настроения, либо агрессию — в зависимости от типа темперамента, особенностей характера и состояния психического здоровья субъекта, в частности от наличия заболеваний или акцентуаций. При более тяжелых переживаниях неопределенности (наличие/отсутствие работы, величина заработной платы, обеспечение детей, возможность роста напряженности и негативных эмоций у населения работоспособного возраста, наибольшей эмоциональностью и нестабильностью отличается в силу физиологических особенностей молодежь). В случае экономических трудностей эти две группы в силу своей виртуальной и физической мобильности становятся электоратом лидеров или сообществ, транслирующих, озвучивающих недовольство данных лиц в среде массовой информации. Это дает ощущение совместности переживаний, спланирует, проблема артикулируется, формируется возможность образования «групп по интересам». Таким образом, при наличии сил, испытывающих потребность в дестабилизации положения государства, ими могут быть выбраны регионы с достаточными экономическими и иными предпосылками (низкая экономическая активность, дотационность, малый региональный бюджет, отсутствие рабочих мест – закрытие градообразующих предприятий и др.), вызывающими негативную реакцию населения региона, чтобы развить ее в социальный протест, посредством информационной поддержки, направления в регион своих активных представителей для организации протестного движения и др. В случае отсутствия заинтересованных в дестабилизации ситуации лидеров, таковые, как правило, выделяются среди населения. Такую роль обычно принимают на себя лица, отличающиеся пассионарностью, нередко — личной харизмой, ярким холерическо-сангвинистическим темпераментом, способностью к стратегическому мышлению и объединению человеческих и материальных ресурсов, но вместе с тем — конфликтностью, обладающие сопутствующими личными материально-бытовыми или психологическими проблемами, которые обычно становятся второстепенными в протестной деятельности. Нередко в роли «третьей силы» могут выступать харизматические лидеры, выдвигающиеся спонтанно, однако впоследствии примыкающие к радикальным организациям и объединениям или партиям. Лидер, объединяющий электорат, транслирующий протестные настроения в регионе с высокой социальной напряженностью, — это особый психологический тип, требующий отдельного исследования.

В данной ситуации ведущая роль оказывается за средствами массовой информации и ресурсами Интернет, посредством которых может быть как повышен, так и понижен градус социальной напряженности. Зачастую к социальному взрыву приводит непродуманная пиар-компания какого-либо прецедентного повода, события в информационном пространстве. Таким образом, наличие малейшего информационного повода в ситуации ощущения неблагополучия в социуме может привести к мгновенному скачку социальной напряженности до трагического взрыва.

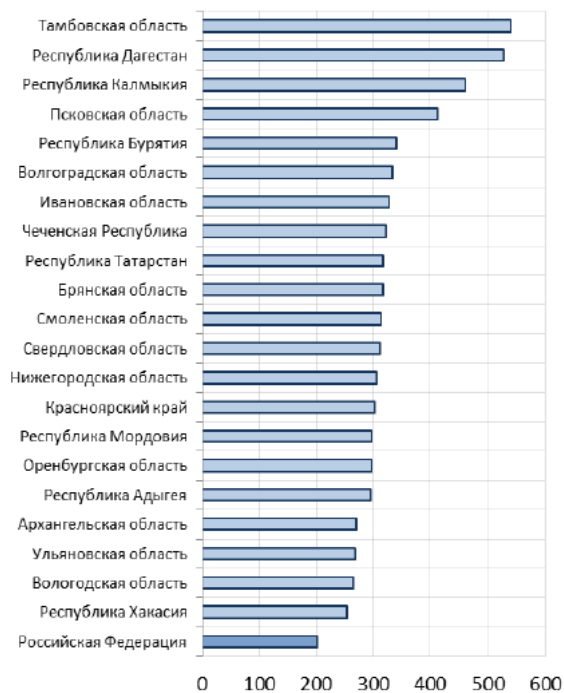
Слабо изучены вопросы, насколько велики региональные различия в широком контексте «люди и деньги», насколько региональные тенденции схожи с общероссийскими или отличаются от них [6, 8, 9, 10]. Кредитная задолженность населения [10], помимо доли расходов на продукты питания в общих расходах населения [9], несомненно, является при этом одним из наиболее важных показателей высокой социальной напряженности в регионе, так как существенно меняет эмоциональный статус населения в сторону невротических и депрессивных проявлений, роста тревожности, снижения уверенности в завтрашнем дне, а также агрессии, в том числе направленной вовне. В данной ситуации при наличии «третьей силы» или провоцирующего повода социальное недовольство, перерастающее в социальный «взрыв», наиболее вероятно.

Мы можем предположить, что субъективная неудовлетворенность населения уровнем жизни (или деятельностью органов власти муниципалитетов) будет зависеть от данных различий. Причем в регионах — «донорах» можно предположить наличие неудовлетворенности степенью субъективно понимаемой «свободы слова и волеизъявления», а в «дотационных» регионах – наличие неудовлетворенности материальным уровнем жизни. Чтобы прогнозирование и профилактика социальной напряженности были эффективными, необходим методологически и методически выверенный алгоритм расчетов комплексных показателей, указывающих на рейтинг региона – как в части экономики, так и в сфере эффективности социальной политики.

Социально-экономическую ситуацию, кроме объявленных против России экономических санкций, в 2020 года усугубило понижение цен на экспортируемые за рубеж нефть и газ, в том числе это отразилось и на региональной экономике, а социальная сфера претерпела значительные изменения. Также социальную напряженность существенно повысила пандемия COVID-19 [14, 17].

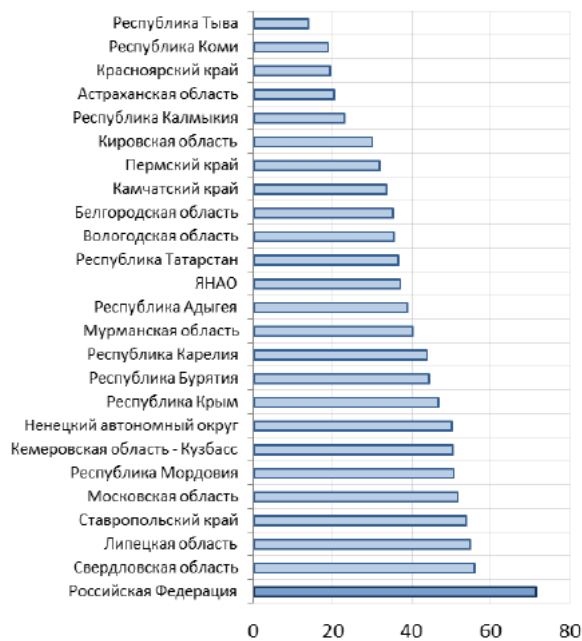
Рисунок 1, представляющий собой гистограмму собственных доходов регионов в первый месяц самоизоляции, подтверждает выдвинутую гипотезу: протестная активность в данный момент, согласно информационной повестке протестных негосударственных СМИ и Ю-туб каналов местных блогеров, комментирующих актуальные события, высока как в Ямало-Ненецком автономном округе (выступления против объединения субъектов Федерации), так и в Москве (выступления – единичные пикеты в защиту политзаключенных, пикеты против приговора по делу «Нового величия», по делу о государственной измене И.Сафронова, против задержаний журналистов), Хабаровском крае (многодневные протестные митинги против снятия губернатора). Можно констатировать также тот факт, что социальные взрывы имеют отложенный характер по сравнению с предпосылками – экономическими показателями. То есть реакция на события в экономике и политической и социальной жизни является отложенной: требуется некоторый временной период для перехода эмоциональной личностной реакции населения в групповую реакцию и затем — в действие, а также время на консолидацию данного действия – в том числе с помощью выдвижения спонтанного или делегированного «третьей силой» лидера протеста.

Источник: Минфин РФ, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рисунок 1. Отношение собственных доходов регионов в апреле 2020, в % к апрелю 2019 г. [17, с.2]

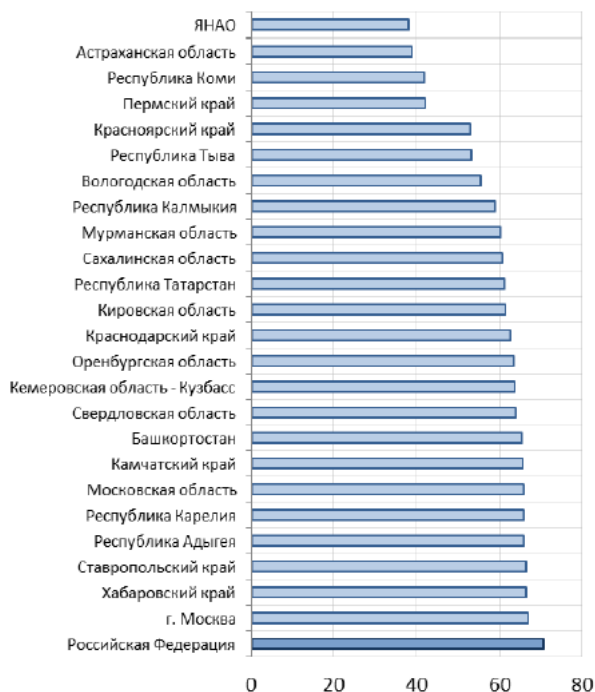
Можно предположить наличие угрозы социального взрыва также и по активности предпринимательской деятельности в эпоху пандемии, обнаруживаемой по суммам отчислений в бюджет. В зоне риска находится Республика Тыва, Республика Коми, Красноярский край, а также наиболее сохранившие прежние позиции Ставропольский край, Липецкая область, Свердловская область.

Источник: Минфин РФ, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ. На рисунке показаны регионы с наиболее существенным падением налога на прибыль.

Рисунок 2. Отношение поступлений налога на прибыль в апреле 2020 г., в % к апрелю 2019 г. [17, с.3]

Мы не учитывали статистику заражения и смертности от COVID-19 по регионам, так как методика ее подсчета вызывает споры среди специалистов, однако приведем данные расчетов затрат на систему здравоохранения по регионам за апрель 2020 года по отношению к апрелю 2019 года. Согласно нашей гипотезе, рост социальной напряженности возможен в регионах — Тамбовская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, а также в регионах — Ульяновская область, Вологодская область, Республика Хакассия.

Источник: Минфин РФ, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ. На рисунке показаны регионы с наиболее существенным падением собственных доходов.

Рисунок 3. Отношение собственных доходов регионов в апреле 2020, в % к апрелю 2019 г. [17, с.5]

Вне зависимости от экономических показателей региона, социальная напряженность может расти, а также с высокой долей вероятности прогнозироваться угроза социального взрыва в случае наличия в регионе активно действующих протестных негосударственных СМИ, штабов или отделений протестных оппозиционных общественных организаций. В данном случае происходит консолидация населения, имеющего оппозиционные убеждения, и при наличии повода (прецедента, провоцирующего фактора) социальный взрыв будет неизбежен.

Как представляется автору статьи, соцопросы на любых по численности выборках не могут дать объективной информации об истинном уровне социальной напряженности в регионе. Экономические,

демографические и иные показатели и их комплексный анализ также дают только косвенное указание на возможность социального взрыва и на уровень социальной напряженности. Взаимосвязь депрессивности региона, низких экономических и демографических показателей в нем не всегда является обязательным условием наличия высокой социальной напряженности.

Необходимо учитывать фактор (и пути) доведения информации из альтернативных источников до населения региона и фактор консолидации протестных настроений, которые могут взять на себя или протестные лидеры, или СМИ. Следовательно, необходимо изучать вовлеченность населения региона в данную повестку – в том числе степень ознакомления населения с данными ресурсами и уровень политизации сознания членов регионального сообщества.

Помимо приведенных выше данных, должны при прогнозировании возможностей социального взрыва и при изучении актуального уровня социальной напряженности рассматриваться следующие показатели, связанные с «третьей силой», влияющей на законопослушность граждан и на уровень протестной активности:

1. Наличие в регионе протестных СМИ (электронных, печатных).
2. Наличие активно действующего (существующего) штаба лидеров несистемной оппозиции.
3. Наличие и активность работы приемных и первичных организаций партий системной оппозиции.
4. Наличие в регионе (городе – областном центре) лидеров протестного движения.
5. Наличие в регионе активных блогеров с протестной повесткой, продвигающих региональную проблематику.
6. Численность электората в регионе, обеспечивающего поддержку в информационном пространстве представителей как системной, так и несистемной оппозиции.
7. Необходимо учитывать, что рост социальной напряженности связан с эмоционально-психологическими, ценностно-мотивационными факторами, которые закладываются прежде всего через конструирование модели мира населения, сообществ и отдельной личности через средства массовой информации и, прежде всего, через авторитетных лидеров мнения.
В критических по экономическим предпосылкам и социальной политике регионах следует избегать провоцирующих поводов (прецедентов) или их использование возможно в целях тест-драйва протестной активности региона, но применение данного метода возможно только при полноценно разработанной методике утилизации (нейтрализации) возможных реакций на провоцирующий повод.

Литература:

1. Акинин П. В., Кузьмин Д. С., Маньшин Р. В. и др. Диагностика социальной напряженности в обществе: Региональный аспект / Под ред. П. В. Акинина, С. В. Рязанцева. — Ставрополь: Сервисшкола, 2002. — 239 с.
2. Баранова Г. В. Социальная напряженность и формы ее выражения: Региональные особенности. — Орёл: Акад. ФСО России, 2015. — 185 с.
3. Бараночников В. А. Социальная напряженность в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества (на материалах Орловской области). Автореф... канд. социол. н. — М., 2015. — 24 с.
4. Грызлов И. Н. Методика обработки статистической информации для оценки индексов социальной напряженности в регионе. Автореф... канд. технич. н. — М., 2012. — 27 с.
5. Ефимов К. М. Моделирование процессов распространения социальной напряженности = Modelling processes of social tension spreading. — М.: Академия, 2009. — 159 с.
6. Зубаревич Н. В. Будущее российского пространства: Экономика и население // Будущее российской экономики. — М.: Эксмо, 2019. — С. 177-184.
7. Зубаревич Н., Макаренцева А., Мкртчян Н. Социально-демографические индикаторы: Региональное измерение (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. — 2017. № 3. — С. 90-100.
8. Зубаревич Н.В., Малева Т., Ляшок В. Социально-экономическая динамика и положение регионов в середине 2019 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. — 2019. Т. 26. № 9. — С. 35-50.
9. Зубаревич Н.В., Сафронов С. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2019. № 2. — С. 61-68.
10. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Люди и деньги: Доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000–2017 гг. // Известия РАН. Серия географическая. — 2019. № 5. — С. 3-17.
11. Комплекс мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности в Алтайском крае: Сборник материалов регионального научно-практического семинара, Барнаул, 13 октября 2018 г. / Под ред. В. В. Нагайцева и др. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. — 144 с.
12. Макаридина, В.А. Математические методы моделирования и диагностики социальной напряженности. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. — 158 с.
13. Пирогов И. В. Социальная напряженность: Теория, методология и методы измерения. Автореф... канд. социол. н. — М., 2002. — 24 с.
14. Смирнов С., Смирнов Ст. Циклические индикаторы. Сводный опережающий индекс в мае: худшее, наверное, позади. Региональный экономический индекс в апреле: Повсеместный глубокий провал // Бюллетень «КГБ: Комментарии о государстве и бизнесе» / Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». № 290, 2020. 16 июня. — С. 1-5. URL: https://dcenter.hse.ru/data/2020/06/16/1604934199/ci_rea_2020-04.pdf.
15. Тучков Е. В. Социальная напряженность в регионах Центра России: Механизмы диагностики и регулирования. Автореф... канд. социол. н. — Орел, 2000. — 30 с.
16. Управление социальной напряженностью и конфликтностью в регионе: Сборник научных статей / Под ред. В. В. Нагайцева. — Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2019. — 127 с.
17. Чернявский А. Бюджет. Вирус в регионах // Бюллетень «КГБ: Комментарии о Государстве и Бизнесе» №291, 2020 г., 16.06.2020. С. 1-6. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/373271455.pdf>
18. Яковлев О.В. и др. Методика комплексной оценки социальной напряженности и протестной активности граждан в субъектах Российской Федерации. — М.: ВНИИ МВД России, 2014. — 30 с. (Библиотека криминального социолога).

References (transliterated):

1. Akinin P. V., Kuz'min D. S., Man'shin R. V. i dr. Diagnostika sotsial'noi napryazhennosti v obshchestve: Regional'nyi aspekt/ Pod red. P. V. Akinina, S. V. Ryzantseva. — Stavropol': Servisskola, 2002. — 239 s.
2. Baranova G. V. Sotsial'naya napryazhennost' i formy ee vyrazheniya: Regional'nye osobennosti. — Orel: Akad. FSO Rossii, 2015. — 185 s.
3. Baranochnikov V. A. Sotsial'naya napryazhennost' v usloviyakh transformatsii sotsial'noi struktury sovremennogo rossiiskogo obshchestva (na materialakh Orlovskoi oblasti). Avtoref... kand. sotsiol. n. — M., 2015. — 24 s.

4. Gryzlov I. N. Metodika obrabotki statisticheskoi informatsii dlya otsenki indeksov sotsial'noi napryazhennosti v regione. Avtoref... kand. tekhnich. n. – M., 2012. — 27 s.
5. Efimov K. M. Modelirovanie protsessov rasprostraneniya sotsial'noi napryazhennosti = Modelling processes of social tension spreading. – M.: Akademiya, 2009. — 159 s.
6. Zubarevich N. V. Budushchee rossiiskogo prostranstva: Ekonomika i naselenie// Budushchee rossiiskoi ekonomiki. — M.: Eksmo, 2019. — S. 177 — 184.
7. Zubarevich N., Makarentseva A., Mkrtychyan N. Sotsial'no-demograficheskie indikatory: Regional'noe izmerenie (po rezul'tatam regul'yarnogo Monitoringa INSAP RANKhiGS)// Ekonomicheskoe razvitie Rossii. — 2017. № 3. -S. 90 — 100.
8. Zubarevich N.V., Maleva T., Lyashok V. Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i polozhenie regionov v seredine 2019 g. (po rezul'tatam regul'yarnogo Monitoringa INSAP RANKhiGS)// Ekonomicheskoe razvitie Rossii. — 2019. T. 26. № 9. — S. 35 — 50.
9. Zubarevich N.V., Safronov S. Dolya produktov pitaniya v strukture raskhodov naseleniya regionov Rossii kak indikator urovnya zhizni i modernizatsii potrebleniya// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. — 2019. № 2. — S. 61 — 68.
10. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Lyudi i den'gi: dokhody, potreblenie i finansovoe povedenie naseleniya rossiiskikh regionov v 2000–2017 gg.// Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. — 2019. № 5. — S. 3 — 17.
11. Kompleks mer sotsial'nogo kharaktera po snizheniyu urovnya sotsial'noi napryazhennosti i konfliktnosti v Altaiskom krae: Sbornik materialov regional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar, Barnaul, 13 oktyabrya 2018 g. / Pod red. V. V. Nagaitseva i dr.-Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta, 2018. — 144s.
12. Makaridina, V.A. Matematicheskie metody modelirovaniya i diagnostiki sotsial'noi napryazhennosti.-SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2002.-158 s.
13. Pirogov I. V. Sotsial'naya napryazhennost': Teoriya, metodologiya i metody izmereniya. Avtoref... kand. sotsiol. n. – M., 2002. — 24 s.
14. Smirnov S., Smirnov St. Tsiklicheskie indikatory. Svodnyi operezhayushchii indeks v mae: khudshee, naverno, pozadi. Regional'nyi ekonomicheskii indeks v aprele: Povsemestnyi glubokii proval// Byulleten' «KGB: Kommentarii o gosudarstve i biznese»/ Institut «Tsentr razvitiya» NIU «Vysshaya shkola ekonomiki». № 290, 2020. 16 iyunya. – S. 1 — 5. URL: https://dcenter.hse.ru/data/2020/06/16/1604934199/ci_rea_2020-04.pdf.
15. Tuchkov E. V. Sotsial'naya napryazhennost' v regionakh Tsentra Rossii: Mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya. Avtoref... kand. sotsiol. n. — Orel, 2000. — 30 s.
16. Upravlenie sotsial'noi napryazhennost'yu i konfliktnost'yu v regione: Sbornik nauchnykh statei/ Pod red. V. V. Nagaitseva.-Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. — 127 s.
17. Chernyavskii A. Byudzhel. Virus v regionakh// Byulleten' «KGB: Kommentarii o Gosudarstve i Biznese» №291, 2020 g., 16.06.2020. S. 1-6. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/373271455.pdf>
18. Yakovlev O.V. i dr. Metodika kompleksnoi otsenki sotsial'noi napryazhennosti i protestnoi aktivnosti grazhdan v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii. – M.: VNII MVD Rossii, 2014. — 30 s. (Biblioteka kriminal'nogo sotsiologa).

Информация об авторе:

Кузина Наталья Владимировна, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, г. Москва, ул. Гарибальди, д.21-б, E-mail: 9380752@mail.ru

Information about the author:

Kuzina Natalia Vladimirovna, leading research worker of Center of research of problems of safety of the Russian academy of sciences, Moscow, st. Garibaldi 21-b, E-mai: 9380752@mail.ru

[1] Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годы (НИР 0006-2020-0001).

Добавить комментарий
[Вы вошли как yfirsova. Выйти?](#)

Комментарий

О ЖУРНАЛЕ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НОВОСТИ СТАТЬИ АНАЛИТИКА ОТЗЫВЫ КОНТАКТЫ
ВЫХОД

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
 Эл № ФС 77-55590 от 07 октября 2013 года.
 При использовании материалов прямая ссылка на сайт <http://inter-legal.ru> обязательна.
 © 2016 Международный правовой курьер. Все права защищены.
 Возрастная категория сайта 16+

